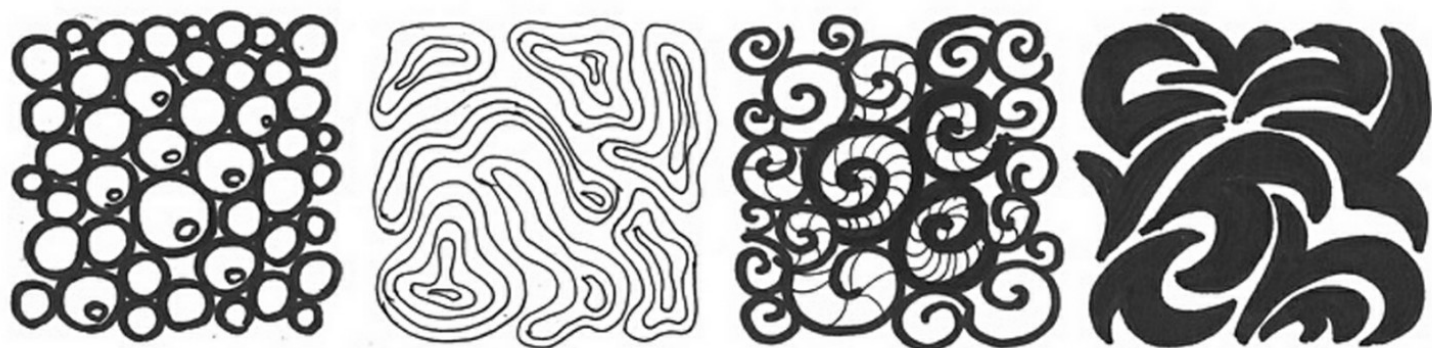

ИРИНА ИВАНЦОВА

ШТРИШОЧКИ

12+

Ирина Иванцова

Штришочки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванцова И. В.

Штришочки / И. В. Иванцова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Автор сборника рассказов не давит на читателя, не морализирует, он простым и лаконичным языком живо, искренне и с юмором повествует о людях разных поколений и об их отношениях с друзьями, любимыми и родственниками.

© Иванцова И. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

ШТРИШОЧКИ

Я безумно люблю яблоки,
поэтому иногда пишу отгрызки.

Пятое измерение

В нашем трехмерном мире выделяют ещё и четвёртое измерение – время. Тогда невольно закрадывается вопрос: время характерно только с точки зрения человеческой жизни или нет? Является ли человек «изобретателем» времени, исходя из самого факта своего существования? Но и деревья растут, стареют и умирают... следовательно, и над ними властвует время. Или они этого не осознают? И тогда всё дело в этом осознании, осмыслении времени, как единицы, влияющей на тебя? О! это слишком философский вопрос... и ответу на него, скорее всего, посвящены диссертации, научные трактаты и монографии.

А человеку известно лишь то, что время есть величина, влияющая на его жизнь самым причудливым образом: то сжимаясь, то растягиваясь, а то и вовсе останавливаясь.

Однажды Наташа, моя милейшая подруга, сказала: «Ну, ты ещё молодая, ты этого ещё не знаешь, а я-то точно ощущаю на себе, как мой внутренний возраст остановился, а тело почему-то продолжает стареть. И так это странно: с наружи ты один, а внутри другой.»

Мне ли не знать! Ещё как я это знаю. Просто до сорока этого не осознаешь – у тебя ещё почти всё в гармонии, а посему не замечаешь, что полжизни уже пролетело. Кажется, всё ещё только началось, всё ещё впереди: все желания ещё новы, сил много, глаза горят, времени целая жизнь – и посему всё откладываем на какое-то призрачное «потом», которое не наступает, а жизнь фатально катится к концу. И вдруг понимаешь, что так и не съездил в Рио-де Жанейро, не полюбил Милитрису Кирбитьевну, не написал книгу, не признался в любви тому, кого помнил всю жизнь и даже так и не сходил в Третьяковку.

Но речь, собственно говоря, не об этом. И время упомянуто лишь затем, чтобы обозначить его цифрой четыре – «четвёртое измерение». Но хочется поставить вопрос (о, ужас! Вдруг он уже стоит, а я об этом ничего ещё не знаю! Хотя, тогда мой плагиат невольный, и, следовательно, простительный), повторюсь, хочется поставить вопрос о пятом измерении, неизбежно властвующем над нами. Это образ.

Образ как форма существования слова, понятия. Образ как вариант мысли, ещё не оформившейся до конца в ту самую минуту, как он возник, но похожий на зерно, которое возьмут, высадят, взрастят. И оно, видоизменяясь, станет идеей, получит своё развитие, оформившись в рассказ, картину, скульптуру, став тем самым образом, который и составляет основу творчества.

Вечное пушкинское

Раз один – то, значит, тут же и другой! Помянут меня, – сейчас же помянут и тебя.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Что испытывает Пушкинский Сальери, когда смотрит в глаза Моцарту, понимая, что заглядывает в самую вечность? Что испытывает Сальери не в тот момент, когда яд уже в бокале, а каждый день, видя Моцарта перед собой? Что чувствует один профессионал (и к слову сказать, высокого уровня), глядя на другого мастера, принадлежащего чему-то надмирному?

Тоска... единственное, что приходит на ум. Тоска, от которой нет спасения, та, что ставит человека на грань отчаяния и заставляет совершать самые ужасные поступки. Тоска по несбывшемуся, тоска неизбежности, тоска невозможности постичь почему мир (с его, Сальери, точки зрения), так несправедлив. Тоска от того, что Моцарт словно украл его славу, его право на вечность, его жизнь.

Отчего всё одному? За что? И увы, ответ один – ни за что, а почему-то. И это «почему» там, на небесах. И ответ тоже там, и спрошено будет тоже там, потому как это дар, не принадлежащий человеку, а данный. Не выработанный упражнениями, не созданный умом или ставший результатом творения рук человеческих, а факт чей-то жизни. Радость? Проклятье? Мука? Счастье? Бог весть... просто факт. Просто всё так, как есть и за него будет спрошено. И, боюсь, ой как спрошено... так, что там Сальери, возможно, будет ликовать, что здесь ему этого не дано, что не надо платить собственной душой за земные слабости: желания поленился, поболтать по телефону, поохотать в киношке, полежать на диване от усталости (хотя я это всё, безусловно, не о Сальери).

Сальери... а что Сальери? Он просто сам так решил, что Моцарт его проклятье. Сам решил, что зависть может жить в его душе, что там есть для неё место.

Ему всего лишь надо было принять другое решение: отказаться от зависти. Трудно? Да. Но возможно.

Отказаться – и наслаждаться музыкой... Моцарта.

P.S. Хочется верить, что это всего лишь трагедия литературного персонажа. Ведь, в самом же деле, не травил Сальери Моцарта. Знал ли об этом Пушкин? Конечно, знал... но.

Важное

День проходит за днем. И с одной стороны, будто бы движение, но это всего лишь круговерть одинаковости, а с другой – кажется, что жизнь стоит на месте, ничего не происходит.

И мы совсем не замечаем движения. Ну, разве только устало падая в кровать, ловим себя на мысли: «Вот уже и ночь. Как быстро промелькнул день. А как хотелось бы успеть...» – и засыпаем.

Но жизнь движется неумолимо. И понять её движение можно только умом, а почувствовать нельзя. И это самая коварная человечья ловушка, сгубившая сотни талантов, которые так и не успели раскрыться. Не хватило времени.

Вечное

Ничто не вечно... Всё умирает, становится пеплом: великие люди, гениальные произведения искусства, сметаются царства, гибнут империи, сходят в небытие злодеи и праведники, стирается даже истинная память, подменяясь удобными фактами, выстроенными в удобном для кого-то порядке.

И только слово вечно. Сказанное, оно живет в преданиях, пронзает время, мчится, трепещет, вырывается из рук тех, кто пытается его убить, замалчивая и искажая, – и поднимается над головами людскими, над суетным. За правду, за истину.

Слово вечно в сердце человечьем, пока жив человек, вечно в душе его, когда поднимается она в небеса.

Это то единственное, что уносим мы в мир иной. Прекрасное, нетленное богатство.

Быт

Быт лишает человеческие отношения тонкости, особого рода нежности. В быту кожа грубеет, нарастает благоразумный жир. Как защитная реакция? Как уступка житейским удобствам, где нет места «сюсюканью», где можно огрУбиться и тупо скатиться на диван или ходить в замасленном халате, перестать испытывать радость от того, что просто вместе, просто рядом? Или это броня такая, защищающая человека от жизни самой?

И вот уже отношения плавно текут по раз и навсегда отработанной схеме: и движения сведены к минимуму и заранее известны, эмоции предсказуемы, слова стандартны до тошноты. Словно в театре в сотый раз играем один и тот же спектакль.

И это жизнь...

6. Счастье

Человек, с одной стороны, всегда хочет счастья, молит о нём, ничего он более так не жаждет, как его. А с другой стороны – всё время ускользает от него, словно избегает, будто даже сама мысль стать счастливым кажется ему невыносимой.

Какая-то постоянная «счастливая рефлексия» под названием «так нельзя», «этого не может быть», «я не могу себе этого позволить», «что обо мне подумают», «я не заслуживаю, потому как грешен, сир и мал» лишает его возможности обретения радости, уводит от ситуаций и людей, заставляет проходить всё время мимо – и в итоге стать слепцом, невидящим, немыслящим, провалившимся в темницу серой обыденности.

Счастье всегда есть шаг в неизвестное. Счастье всегда – шаг навстречу другому человеку, даже если мучительно трудно.

Счастье – прощение себя за собственное несовершенство, за собственные ошибки и принятие всех обстоятельств жизни, не становясь при этом для себя собственным палачом.

7. Искусство

Искусство – это попытка человека потягаться со смертью.

8. Формула успешности

Успешность определяется одним главным критерием, а именно тем, насколько ты доволен своей жизнью.

И если слава, красота, ум, образованность не приносят тебе удовлетворения – значит и успешности нет.

9. Миропорядок

Наша вселенная, как ни крути, – произвольная комбинация Творца.

Это как посадить сад: здесь – яблони, пруд, здесь – вишни, здесь – дорожки... а завтра что-то высаживаем вновь, меняя порядок, или выпалываем, или позволяем зарости.

В итоге произвольный, но не случайный результат.

10. Парадокс

Если посмотреть на всё происходящее в жизни внимательно, то понимаешь, что при непосредственном переживании событий они представляются нам понятными и логичными. Почти все действия не вызывают сомнений в момент их совершения, они ясны и мотивиро-

ванны нашей внутренней логикой, эмоциями и моделями совершаемых поступков, закреплённых всем опытом нашей предыдущей жизни.

Но при последующей попытке анализа и осмысления произошедшего порой всё рушится. Логика начинает исчезать – и открывается полное недопонимание событий, действий и отношений. Со всеми этими ужасающими вопросами: И зачем я так? Почему опять на те же грабли? Почему они так со мной? Меня опять не так поняли... Где справедливость?

Первопричина состоит в том, что там, где человек всегда живёт субъективность. И все попытки объективности терпят фиаско.

11. Из разговора с Ирой

Я:

– Искусство никому не нужно. Никто о нём не думает в обычной жизни. Понимаешь? Людям нужны простые человеческие отношения.

Ира:

– Это да, конечно. Но если отношений нет, то искусство вдруг становится жизненно необходимым.

12. Молитва

Господи! Простишь ли ты меня за то, что я тебя не понимаю?

13. Разговор на работе

У Ольги Николаевны, нашей уборщицы, два высших образования. Она жутко умная и эрудированная, начитанная и всем интересующаяся.

Штудирует книги, журналы. Смотрит телепередачи и кинофильмы.

И вот она сегодня как-то особенно усердно трёт линолеум в коридоре возле моего кабинета: в дверном проёме так и снуёт её сухонькая старческая фигурка в форменном халате.

Я сижу за столом – зарылась в бумаги, страстно орудую ручкой, подгоняя ненавистные отчёты.

И вот Ольга Николаевна не выдерживает, замирает в дверях и, чтобы как-то обозначить своё желание поговорить, стучит по дверному косяку, мол, «можно войти».

Я поднимаю голову и спрашиваю: «Ольга Николаевна, вы что-то хотели?»

Она, обрадовавшись, шагает в кабинет:

– Я собственно, вот что хотела у вас узнать. Вот вы дама образованная...

– Допустим, – улыбаюсь я.

– Так вот, – продолжает она. – Вы как относитесь к искусству?

– Опосредованно, Ольга Николаевна, опосредованно.

– Ну, это вы бросьте. Вы же филологисса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.